

Глава 1

В САМОМ СЕРДЦЕ АНГЛИИ

Если провести линию с севера на юг через центр Англии, а затем еще одну, посередине, с востока на запад, в точке пересечения окажется городок под названием Маркет-Харборо, или он будет где-то совсем близко. Возможно, эта точка придется прямо на «Стоунхендж» — тот самый дом, где я вырос. Он находился в центре Шрусбери-авеню в стороне от грунтовой дороги на вершине холма. Оттуда с северной стороны открывался вид на город, а со всех остальных сторон — на мягкие, холмистые, окаймленные живыми изгородями просторы Лестершира и Нортгемптоншира. В Британии не найти места более удаленного от соленых вод, от открытых морских просторов и всего остального мира. Это самое сердце Средней Англии, и, как бы там ни было, этот мир сделал меня тем, кто я есть. Маленький мир, дававший чувство огромного уюта и безопасности, но в то же время рождавший тоску по дальним берегам и чему-то более экзотическому.

Как-то утром я шел с мамой по Хай-стрит, главной улице Маркет-Харборо. Кругом было полно народу, покупатели сновали туда-сюда, выходя из мясной, овощной и хозяйственной лавок.

Мне было лет девять-десять. Значит, дело было примерно в 1959 году. Мы направлялись в «Вестминстер банк», чтобы забрать отца домой на обед на нашем «Воксхолл-Виверне». Мой отец к тому времени дослужился в банке до управляющего. Мы не нуждались, но и богачами нас тоже нельзя было назвать. В те времена в семьях

редко имелось больше одной машины. Поэтому мама была у папы личным водителем: отвозила его утром на работу и забирала вечером. И так каждый день. Отдохнуть от этой роли ей довелось лишь однажды, когда во время большого наводнения 1958-го река Уэлланд вышла из берегов. Почти неделю отец добирался на работу на лодке по грязной разбушевавшейся воде, представляя собой довольно нелепое зрелище: в костюме-тройке и с неизменной трубкой в зубах.

Так или иначе, когда мы в то утро переходили улицу, все вокруг замерло, словно пораженное гигантским электрошокером с небес. Остановились все, включая нас, и даже редкие в ту пору машины резко снизили скорость. Только один пешеход продолжал движение — молодой индеец или пакистанец. Я остолбенел. Я никогда не видел настолько смуглого лица. И остальные, судя по всему, тоже. Если бы на этом человеке не было брюк или он носил цилиндр, он вряд ли бы удивил нас больше. Через несколько мгновений кто-то нажал кнопку «пуск», и картина снова ожила. Мир снова стал вращаться вокруг своей оси.

В тот мимолетный, странно волнующий миг словно приоткрылся занавес, и я впервые бросил взгляд на мир за пределами нашего сонного рыночного городка. Меня поразили не столько тот человек, сколько реакция на него местных жителей: фермеров, выскочивших из своих грязных лэндроверов в грязных ботинках и плоских кепи, старушек в вязанных чепчиках и зажиточных домохозяек в узких длинных юбках-карандашах и твидовых пиджаках. Все они замерли на своих местах. Не могу сказать наверняка, что именно в тот момент я взял курс на жизнь более необычную, чем та, что предлагал Маркет-Харборо, но именно тогда мое воображение расправило крылья.

В 1950-е годы обособленность была естественным состоянием британцев, и встреча с иностранцем была в диковинку. Большинство жителей Маркет-Харборо никогда не бывали в Лондоне, что уж говорить о поездках за рубеж. Только бывшим солдатам вроде моего отца, которым тогда было лет по тридцать-сорок, довелось побывать за границей. Поездка в Лестер, до которого было всего восемнадцать миль, считалась крупной экспедицией. В Бирмингем, примерно в шестидесяти милях от нас, — самым что ни на есть настоящим приключением. А путешествие в Лондон, за сто миль, и вовсе было эпопеей, о которой люди могли рассказывать неделями. Для некоторых это было историей, которую можно будет поведать внукам. Для

фермеров, банковских служащих и лавочников из Маркет-Харборо Лондон был все равно что Токио...

Однажды вечером, примерно в то же время, моя мать отступила от безупречно-практичных традиций своей кухни. Она поставила на кон репутацию здравомыслящей женщины и подала моему отцу карри. Поскольку тогда я был у мамы самым главным сборщиком овощей в огороде, а также ее су-шефом на кухне (главным нарезальщиком), то по доносившимся ароматам понял, что в воздухе витало нечто новое и волнующее. Мама явно нервничала, когда ставила перед отцом тарелку с дымящимся пряным кушаньем. Воцарилась недолгая пауза, а затем отец медленно поднял вилку, откинулся на спинку стула и принялся ковырять еду так, словно ему подали сбитую на дороге тушу. «Что это такое, скажи на милость?» — вежливо поинтересовался он, в ужасе таращась на блюдо.

Почти как в любом другом доме в Британии тех лет, большинство наших ужинов состояло из какого-нибудь простого мяса, картошки и одного, максимум двух овощей. Желательно, разваренных в тряпку. Моя мать была отличной кухаркой, но такова была общепринятая норма. Самым большим гастрономическим событием недели была рыба по-домашнему с жареной картошкой по пятницам. Воскресное жаркое тоже было событием, но оно имело свою цену — в понедельник доедали остатки. Карри было блюдом, которое ели во времена Раджа¹. И то лишь потому, что нельзя было раздобыть бараньих отбивных с мятным желе, вареной картошки или сосисок с пюре. Блюдо под названием «карри» никогда не появлялось в британских столовых, а за пределами крупных городов на главных улицах нельзя было отыскать ни одной индийской закусочной.

Было ли карри, приготовленное мамой, доказательством того, что Британия стояла на пороге великой культурной трансформации (да), или знаком того, как ограничены и консервативны мы были в те времена (именно так), я был слишком молод, чтобы судить об этом. Сам факт, что я запомнил эти два ничтожных происшествия как значительные события моего детства, красноречиво говорит о размеренном, провинциальном укладе жизни британской

¹ Радж (англ. *British Raj*) — термин, который обозначал колониальное британское правление в Индии в период с 1858 по 1947 год. Радж — слово из санскрита, которое означает «правление» или «власть». (Прим. пер.)

семьи в конце пятидесятых. Откуда нам было знать, что буквально через год-другой британскую культуру ожидает мощнейшая встряска, после которой она перевернется с ног на голову? Возможно, то экзотическое, смелое карри моей мамы и было тем знаком, предвестником грядущих перемен.

Я не помню наш первый дом, небольшой таунхаус в Лестере. Мне было четыре года, когда отец взял в долг денег у своей матери и еще немного в своем банке, в обоих случаях по льготным процентным ставкам, и мы переехали в «Стоунхендж». Полагаю, этот дом так называли потому, что он был построен из этого теплого золотистого камня из Нортгемптоншира. Он был далеко не самым шикарным домом на улице, но добротным и уютным, с прочными дубовыми оконными рамами и даже с туалетом на нижнем этаже, что считалось шиком по тем временам. Понятия не имею, зачем нам понадобился еще один туалет во дворе.

Участок был размером почти в акр, достаточно большой, чтобы разбить огород, который снабжал нас овощами круглый год. Этого пространства отцу хватило даже на то, чтобы соорудить теннисный корт, который, правда, имел лишь самое отдаленное сходство с центральным кортом Уимблдона. Стоило убрать сетку, и он становился практически неотличим от остального газона. Моей задачей было стричь и укатывать этот корт. И хотя я относился к своим обязанностям чрезвычайно серьезно, мяч никогда не отскакивал как следует, вечно насмехаясь над игроками и улетаая под самыми непредсказуемыми углами.

У моего брата Ричарда, который был старше меня на восемь лет, и у моей сестры Пэт, старше на пять, были собственные спальни. Четвертую спальню я делил с братом Уильямом, который был всего на год старше. Наши дни рождения были так близки, что после какой-то дразнилки в начальной школе мне пришлось пойти к маме и спросить, правда ли, что я был «ошибкой».

«Конечно же нет, родной, — воскликнула она, — мы очень хотели, чтобы ты родился, мы с нетерпением ждали этого».

Как четвертого ребенка в семье меня не слишком много опекали, и, находясь под защитой Уильяма, после школы я в основном мог делать все что вздумается: вдоволь кататься на велосипеде по сельским дорожкам, строить плоты на реке, ловить голавлей в канале, а зимой целыми днями кататься на санках с нашей горки или на конь-

ках на пруду. Многие в мемуарах вспоминают ужасное детство, но я о себе такого сказать не могу. Мое детство было счастливым. Тут уж ничего не поделаешь.

Конечно, мои родители были строгими. Я ни за что не посмел бы им перечить или не слушаться их. Но при этом они всегда были справедливыми. Мы не были прихожанами церкви, ходили туда только на Рождество и изредка причащались. Однако они смогли привить нам очень четкое понимание добра и зла.

Когда я стал постарше, жил в Дептфорде и очень нуждался в деньгах, я написал отцу, рассказал о своих трудностях и спросил, не мог бы он помочь. Он тут же прислал мне двадцать фунтов обратной почтой, приложив письмо, в котором объяснял, что раз уж он дает деньги мне, то вышлет такую же сумму двум моим братьям и сестре, хотя все они уже работали. В нашем «Стоунхендж» всегда были четкие правила.

Родители меня любили, хотя в духе послевоенного времени любовь эту никогда не выражали словами и тем более не показывали на людях. Даже и не думай! Это заставило бы всех покраснеть и устыдиться своей слабости. Как и большинство семей в те годы, мы не особенно нежничали. Годы спустя, уже ближе к концу жизни отца, я подумал: «К черту! Я все же обниму его, пока он не умер». Я глубоко вдохнул и шагнул к нему, но его лицо исказилось от ужаса, и он отпрянул, будто я наставлял на него шестидюймовый клинок. Я все равно его обнял.

И все же, несмотря на всю эту сдержанность, неспособность выражать чувства словами и прикосновениями, мы все знали, что любим друг друга. Мы просто никогда не осмеливались сказать это вслух или как-то показать, как бы отчаянно нам ни хотелось обнять кого-то или получить объятие в ответ. В конце концов, империи строятся не на рыданиях и объятиях. Полагаю, то поколение, прошедшее войну с винтовкой «Ли-Энфилд» в руках, сказало бы: «Конечно, мы любим наших детей! Они и так это знают. Это же очевидно! Но не нужно, ради всего святого, постоянно это повторять!»

Мой отец, несомненно, послужил Королеве, стране и империи, хотя он никогда ни с кем об этом не говорил, кроме как со своими старыми товарищами по Королевскому корпусу связи. Его подразделения одними из первых оказывались в зоне боевых действий для организации полевой связи. Как и любого школьника, очарованного

историями о той войне, о той великой войне, что закончилась всего за четыре года до моего рождения, мне ужасно хотелось узнать у отца, как он воевал в Северной Африке, а затем на Сицилии и в других регионах Италии. Довелось ли ему повстречаться с самим Монти? Принимал ли он участие в пленении Роммеля? Действительно ли немцы были такими отъявленными негодяями? Но его редко удавалось разговорить. Он лишь покрепче сжимал зубами трубку, взъерошивал мне волосы и говорил что-то вроде: «Давай-ка лучше пойдем и доделаем твою машинку».

Должно быть, тем солдатам, которые столько лет провели вдали от дома, сражаясь в ужасных битвах и испытывая бог знает какие муки — то, что теперь называется ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) — приходилось очень нелегко. Тогда такого термина даже не существовало. Говорили просто «снарядный шок». Но чтобы получить такой диагноз, человеку фактически нужно было ползать голым на четвереньках и пить из луж, прежде чем за ним приходили санитары. Мой отец, учитывая его боевой опыт, наверняка повидал немало страшного, но он никогда не говорил об ужасах войны. Я часто задумываюсь, через какие муки ему пришлось пройти.

Отправленный в Северную Африку в самом начале войны, он ненадолго вернулся домой в отпуск. А следующего раза пришлось ждать четыре года. Когда он, наконец, добрался до дома, то впервые увидел своего сына, моего брата Ричарда. Тот уже ходил, говорил и собирался идти в детский сад! Я чуть было не сказал, что не могу этого осознать. Но нет, могу. В конце концов, я и сам съездил в полдюжины мировых турне, каждое из которых длилось год или около того, в общей сложности примерно столько же, сколько и Вторая мировая война. Не было ни стрельбы (разве что в Италии), ни смертей, но ощущение отрыва от дома вряд ли было менее острым, чем у моего отца. Я никогда не думал о его страданиях, не представлял, как он сидит в каком-нибудь душном захолустном лагере в тылу, в ожидании приказа выдвинуться на передовую. Только когда я сам отправился в тур, оставив дома жену и детей, я кое-что понял.

Ты играешь музыку для огромной аудитории, а не стреляешь в немцев и итальянцев, но долгие туры — это все равно странный и дезориентирующий опыт, вырывающий тебя из мира безопасности и домашнего уюта. Но об этом позже.

Моему отцу так и не удалось выйти из длинной тени войны, тех шести лет, что он провел в боях на чужбине. После демобилизации он немедленно записался в Территориальную армию¹ и каждое лето устраивал в нашем саду встречи своих друзей-однополчан. Полдюжины мужчин, облаченных в камуфляж и береты, с шумом заезжали на джипах на нашу подъездную аллею, расставляли походные палатки и выгружали все свое войсковое имущество. Ни ружей, ни артиллерийских орудий, что было весьма досадно. Но в остальном это была идеальная реконструкция настоящего военного лагеря, укомплектованная походными котелками, канистрами, ящиками из-под патронов и переносными плитками для приготовления пищи. Для меня это был главный аттракцион всех каникул. Мы с Уильямом часто оставались ночевать в одной из палаток, и наши ноздри заполнял успокаивающий запах сырого, затхлого презента.

Вторая мировая война стала одним из самых важных событий в мировой истории. Она унесла миллионы жизней, ускорила закат Британской империи и перекроила мировой порядок. Но для большинства солдат обычная жизнь возобновилась почти без передышки, едва только закончились боевые действия. Мой отец вернулся на свою должность в банк уже через две недели после возвращения домой и стал ходить на работу, сменив после шести лет непрерывной носки форму хаки на костюм-тройку.

Мой отец был хорошим человеком, невозможно было его не уважать. Даже сейчас, уже перешагнув семидесятилетний рубеж, сталкиваясь с трудностями, я все еще спрашиваю себя: «А как бы поступил папа?» Мама была его точным отражением, глубоко порядочная, невозмутимая, добрая, любящая и исполнительная. Как и он, она была уроженкой Лестершира, дочерью школьного учителя. Вся ее жизнь состояла из хлопот по дому и воспитания четверых детей. Насколько я мог судить, она делала это вполне охотно, но мне хватало наблюдательности, чтобы понять, как это тяжело.

Она закупала продукты и готовила еду на всех, раз в несколько дней пекла хлеб, четырежды в день отвозила и привозила отца из банка на машине, без усталости убирала весь дом, вручную стирала

¹ Территориальная армия — добровольческое резервное формирование в Великобритании, аналог Армейского резерва Национальной гвардии в США. (Прим. пер.)

и выжимала белье (пока в конце пятидесятых у нас не появилась первая стиральная машина). А еще, с моей скромной помощью, брала на себя все работы в саду. Она не курила и не пила, в отличие от своей матери, обожавшей сигары и джин. Ее единственной отдушиной от суровых будней была партия в гольф в клубе у подножия холма, куда она ходила время от времени. Должно быть, она была страстной энтузиасткой, раз, подобно отцу, несколько лет была там капитаном.

Единственное время, когда маме удавалось отдохнуть от кухни, это когда мы ездили в Эшби-де-ла-Зуш, чтобы сводить бабушку на обед в Crown Hotel. И это «увлекательное» мероприятие полностью соответствовало своему названию. Угнетающая до тошноты атмосфера. Веселья не больше, чем от похода в церковь. Все с таким азартом пытались заставить меня съесть что-то под названием «копченый лосось», что меня от этого просто тошнило. Сырая оранжевая рыба! В остальном мы никогда не питались вне дома. Отчасти из-за того, что, кроме крупных отелей, тогда существовало очень мало ресторанов. Отчасти из-за того, что это сочли бы ужасным расточительством. К чему тратить десять фунтов, если мама может ничуть не хуже приготовить то же самое дома?

В нашей жизни места для «культуры» было мало. Мои родители не были особыми любителями чтения или музыки, и я не припоминаю, чтобы за обеденным столом у нас когда-либо велись разговоры об искусстве. Думаю, для того времени это тоже было вполне типично. Мои родители принадлежали к практичному поколению, жившему по принципу «своими руками да на своих плечах». Главным их делом было создать уют в доме, где дети могли бы расти в безопасности и счастливо. Точно так же, как когда-то росли они сами. Тем удивительнее было узнать уже после их смерти, что моя мать, у которой, как я знал, был прекрасный певческий голос, вступила в хорошее общество. А отец, уже после того, как мы разлетелись из гнезда, занялся живописью. Как и я в более позднем возрасте. Разбирая их вещи, мы обнаружили немало отцовских рисунков, и они были весьма впечатляющими для человека без специальной подготовки.

Мне остается лишь гадать, как сложились бы их жизни, особенно жизнь моей матери, если бы они не занимались семьей и детьми так фанатично и добросовестно. Они вложили в нас все свои силы, деньги и время, почти ничего не оставив на собственные дарования и интересы. В их жизни не было никакого лоска, но в их самопо-

жертвовании и непоколебимом чувстве долга перед нами было нечто поистине героическое.

Вероятно, жизнь в Маркет-Харборо мало чем отличалась от той, что была здесь до Первой мировой войны. В 1954 году Великобритания последней из стран отменила карточную систему, и уже через несколько лет экономика переживала бум. Расцвет потребительства ярче всего проявлялся в сфере технологий и всевозможных гаджетов, что разжигало аппетит ко всему новому и порождало у таких мальчишек, как я, тягу ко всему современному, стремление к чему-то иному. В 1950 году, через год после моего рождения, в половине британских домов не было ванной комнаты, а миллионы людей пользовались уличным туалетом вместе с соседями. В удаленных сельских районах в домах не было электричества, продукты хранили в кладовках, одежду стирали вручную, большинство людей мылись раз в неделю в жестяном тазу, и практически ни у кого не было автомобиля. К концу десятилетия телевизоры, стиральные машины, холодильники, проигрыватели и пылесосы стали появляться в домах, а у большинства семей даже за городом перед домом стояла машина, которую они каждые выходные с гордостью натирали до зеркального блеска.

Мое самое первое воспоминание, относящееся ко времени незадолго до этого бума, — это семейный просмотр коронации Королевы по телевизору, купленному, как и у многих, специально к этому событию. Прозвучит банально, но для четырехлетнего мальчика это был невероятно захватывающий момент. Я сидел на полу, скрестив ноги по-турецки, в одних шортах, замороженный. В комнату набились соседи и друзья семьи, а в углу мерцал и шумел маленький квадратный экран в оттенках серого, на котором Ее Величество шествовала по нефу Вестминстерского аббатства.

Сейчас та страсть ко всему современному, что теперь стало старомодным, выглядит смешной. Мама пекла самый вкусный хлеб на свете, а мне хотелось, чтобы у меня был такой же нарезанный и упакованный фабричный хлеб, которым хвастались все ребята в начальной школе в самом сердце Литтл-Бюдена. Когда я наконец попробовал его, да еще и с жареными бобами сверху, я вернулся от своего приятеля Майка, жившего через дорогу, чувствуя себя невероятно «продвинутым». Будто я наконец-то ступил в современный мир. То же самое, должно быть, почувствовала и моя мать,

когда открылся «Кооп», первый магазин самообслуживания в Маркет-Харборо. До этого ей приходилось обходить кучу разных лавок со списком в руке, а продавец бегал между полок, подбирая нужные ей товары. «Кооп» стал настоящей революцией. Может, Маркет-Харборо не такая уж и глухомань? — именно такое настроение царило в городе. Зачем тебе Лондон, если у тебя есть «Кооп»?

Итак, вы получили представление о моем детстве. Средняя Англия, средний класс — безопасное, счастливое и комфортное детство, чуточку серое, прозаичное, лишенное событий. Мое соприкосновение с культурой ограничивалось редкими походами на пантомиму. И, что было куда веселее, двумя поездками в Лондон на Международный автосалон в «Эрлс-Корте» с отцом и одним походом на «Мою прекрасную леди». Главным событием года был ежегодный семейный отпуск в Корнуолле. С шестью пассажирами и багажом, наш «Виверн» 12 часов тащился 280 миль до снятого нами коттеджа с видом на залив Тревон. Сегодня эта поездка занимает 5 часов.

Машина была настолько тяжелой, что, когда мы добирались до рыночного городка Фром в Сомерсете, троим из нас приходилось вылезать и идти пешком, чтобы «Виверн» мог въехать на крутой холм.

Мои родители ждали, что я пойду по их стопам и останусь в миллом сонном Лестершире. Отчего бы им этого не ждать? Что еще можно искать от жизни? Зачем уезжать из Маркет-Харборо, если здесь есть все, что может пожелать молодой человек? Пабы, магазины (включая «Кооп!»), кинотеатр, прекрасная сельская местность, места для пеших прогулок, рыбалка, гольф-клуб, регби-клуб и даже железнодорожная станция, с которой можно прокатиться в Лестер. Да еще и десятки симпатичных, здоровых и жизнерадостных фермерских дочек, с которыми можно было бы осесть и создать семью.

Что, черт возьми, может предложить Лондон в противовес такой благодатной жизни? Одно лишь убожество, грязь, легкомысленных женщин и проходимцев.

А потом Уильям собрал себе детекторный радиоприемник из готового набора, и все надежды на то, что я буду вести тихую жизнь в сельском Лестершире, растаяли в одночасье.